

*Михаил Лабацук**

КАТЕГОРИЯ ЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В современной семиотике, в частности в лингвистике, категория знака переживает серьезный кризис. Это выражается в том, что данную категорию употребляют все, при этом избегая ее определения. Термин *знак* употребляется, скорее, с опаской, непоследовательно, фактически сводя знак к одному (максимум, к двум-трем) из его многочисленных аспектов. В научной литературе можно легко найти применение термина *знак* в отношении к широкому спектру языковых единиц – от морфемы до текста. «Używam terminu „słowo” dla każdego utartego wyrażenia, bez względu na jego długość czy złożoność. W tym ujęciu zapamiętana piosenka także może być słowem» (Langacker 1995: 31).

Общепринятым является употребление термина *знак* в применении к синтетическим лексическим единицам, укладываемым в категорию частей речи. Однако даже в этом случае остается много аспектов, которые подрывают исходные посылки (например, многозначность, переходные случаи между частями речи, само понимание категории *часть речи* и др.). Проблема усложняется, когда касаемся аналитических языковых единиц. В этом случае уже не совсем ясна принадлежность многих идиом, фразеологических единиц, клишированных единиц и др. Очередное осложнение возникает в связи со статусом предикативных воспроизводимых единиц, многие из которых находят место в традиционной фразеологии, несмотря на их предикативный статус. И наконец, возможно, самой сложной, а вместе с тем и базовой, является проблема знака в языке и проблема знака в речи. Как видно, это все аспекты синхронии знака, поэтому только упомянем, но не будем затрагивать проблему диахронии знака.

Очевидным является то, что главными чертами знака должны быть его воспроизводимость, номинативность и внутренняя связность структуры знака. В отношении признания текста знаком существует ряд допущений и ограничений. Понимание текста как знака можно принять как определенную гипотезу, допускающую, что человек мог бы или когда-нибудь

* Лодзинский университет.

сможет запомнить одновременно всю информацию текста и так же одновременно ее воспроизвести, то есть снять внутренние предикативные отношения между единицами – тем самым превратив их в номинативную структуру (чем собственно и является знак), что пока остается лишь гипотезой либо пожеланием. Подобному пожеланию, однако, не удовлетворяют даже клишированные высказывания и клишированные тексты, которые хотя и могут быть запомнены целиком, тем не менее не снимают предикативность отношений при оперировании субъектом клишированными единицами. Эту особенность запоминания отмечал Ф. де Соссюр: «Если бы мощность и четкость нашей памяти были неизмеримо больше существующих, то, возможно, новообразования по аналогии свелись бы почти на нет в жизни языка. В действительности же дела обстоят по-иному, и любой язык в любой момент времени представляет собой переплетение бесчисленных образований по аналогии, одни из которых возникли совсем недавно, другие же настолько древние, что можно только догадываться о времени их возникновения» (Соссюр 1990: 50).

Б. Гаспаров, выдвигая в качестве основной единицы языка категорию коммуникативного фрагмента, оспаривает традиционно понимаемую роль знака (в противоположность Ф. де Соссюру) в языковой деятельности (language): «...мы оперируем не парадигмами или их схемами, а наборами известных нам формально сродственных выражений... Вторично образуемые выражения являют собой не столько новые образования, построенные на основе исходного, сколько аналогические „растяжения” того образа, который исходное выражение имеет в сознании говорящего субъекта... Происходит это в силу наличия множества бесспорно ему знакомых выражений, имеющих аналогичную форму и сходный круг употребления...» (см.: Гаспаров 1996).

Традиционно утверждается двусторонность знака как арбитражное отношение формы и содержания. Признание арбитражности знака усугубляется частой непоследовательностью в объединении формы и содержания знака (и в понимании характера самой связи). Это является одной из главных причин методологических отличий лингвистических концепций. Психологи, психолингвисты и многие языковеды акцентируют факт раздельности существования формы и содержания и факт их раздельной представленности в разных отделах головного мозга. Однако эти факты совсем не должны противоречить или, тем более, отрицать категорию знака, так как сущность знака состоит именно в неразрывном единстве формы и содержания. Это кардинальным образом меняет представление о физиологической онтологии знака. Знак насквозь содержателен, а содержание знака всецело формально. Проблема сводится к тому, как в разных концепциях понимается форма знака и содержание знака.

Говоря о знаке, чаще всего имеют в виду речевой знак – самое упрощенное, или называя мягче, базовое, исходное понимание знака (отношение звукового комплекса и номинируемого им референта). В этом случае двумя крайними полюсами знака (речевого) являются актуальная форма знака и актуальный референт-понятие мышления. Между данными полюсами речевого знака существует множество промежуточных соединений. Что же является этими полюсами в знаке языковом? При этом возникает важный вопрос: эти языковой и речевой знаки являются одним и тем же знаком или, что скорее всего, это два разных знака, связанных между собой смежностью?

Формой языкового знака является модель образования словоформ (см.: Лещак 1996: 285). Содержанием языкового знака является инвариантное понятие. Инвариантное понятие по происхождению и по сути является единицей когнитивной картины мира субъекта. Форма языкового знака по происхождению является результатом множества актуальных (текстовых) употреблений, то есть актов социальной коммуникации, или иначе, процессов социальной реализации, то есть выражения инвариантного когнитивного понятия. Неразрывная связь модели и инвариантного когнитивного понятия создает семантику (грамматическую и лексическую) языкового знака, или иначе, собственно сам языковой знак.

Категория содержания, так же как и категория формы – это принципиальные и базовые категории языкознания. При сложности их категоризирования и взамен этих категорий многими исследователями часто используется удобная, но терминологически недостаточная категория *семантика*, под которой, не особо дифференцируясь, может пониматься семантика языковая и речевая, лексическая и синтаксическая, грамматическая и лексико-понятийная, семиотическая и несемиотическая (информационно-психическая и даже психофизиологическая, например, наглядно-образная или сенсорная), врожденная и социально-приобретенная и др.

Традиционно считается, что разделение семантики лексической и синтаксической является одновременно разделением семантики языковой и речевой. Однако, многие подходы, например, генеративистика, подход Московской семантической школы и др. предполагают иную интерпретацию. Например, понимание конверсивов, расширенное трактование языковой синонимии, многозначности и т.д. иначе представляют структуру языка, языковую парадигматику и синтагматику. Моделирующие теории языка (Кембриджский лингвистический кружок, генеративистика Н. Хомского, Московская семантическая школа и др.) представляют и понимают семантику как модель когнитивной понятийной системы субъекта вместе с порождающей (интенциональной) языковой способностью. Например, Ю. Апресян понимает семантику непосредственно как порождающий

язык-посредник ЯП (Апресян 1995: 11). Примечательно, что принципиальным является то, что этот семантический язык является безразличным к делению слов на части речи (там же: 40). При этом значение понимается как «семантический инвариант множества преобразуемых друг в друга предложений» (там же: 38). Не случайно Ю. Апресян уточняет: «речь идет лишь о моделировании знания языка, а не знания действительности», в связи с чем семантика понимается как «язык для записи значений слов и – шире – целых высказываний» (там же: 13).

Собственно подобное понимание подменило традиционную постановку проблемы знака и направило ее скорее в область синтаксиса, чем лексики. «Развитие семантики направило усилия лингвистов на поиски семантических объяснений языкового поведения языковых единиц (выделение наше – М. Л.)» (Падучева 2004: 14). Исследования И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна, обосновали переход от толкования слова самого по себе к «толкованию сентенциальной формы с переменными по актантам (выделение наше – М. Л.)» (там же: 19). Подобное понимание, как отмечает Е. Падучева, «фактически определили нынешнее направление русской и мировой лексикологии и лексикографии» (там же).

Во многих достаточно эвристических теориях, например, А. Потебни, Ф. де Соссюра, Г. Тарда, Л. Выготского и др., можно найти понимание, явно или неявно выраженное, формы как содержания для очередной формы, которая (форма) становится содержанием теперь уже для очередной новой формы и т.д., причем это утверждается для инварианта формы и содержания. У Ф. де Соссюра это отчетливо проявляется в трихотомической структуре знака. Трихотомия структуры знака (в теории Ф. де Соссюра) редко акцентируется в исследованиях: и форма, и значение, и понятие входят в объем языкового знака, являются неотторжимыми от него, но тем не менее можно отметить, что понятие является как бы более «внешним», более «содержательным» в знаке. Означающее знака является формой значения, а значение является формой понятия. Подобное взаимосоотношение формы и содержания является характерной чертой так же для теории языка А. Потебни: «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли...» (Потебня 1958: 18). Другими словами, значение является инструментом общения, а понятие является его смыслом: «Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что слово называется формой мысли» (Потебня 1958: 20).

Вышеотмеченное преобразование содержания из формы в очередную форму находим в социопсихологии Г. Тарда: «...ощущение присоединяется к вызываемому им образу (сходному или отличному от него) точно так же,

как образ сам присоединяется к вызываемому им названию, а это последнее присоединяется к названию более общему, при помощи которого его и определяют. Зрительный или осязательный образ моего ножа является в некоторых отношениях как бы словом, значение или одно из значений которого заключается в акте осязания или видения моего ножа, точно так же, как самый этот образ представляет собою значение или одно из значений слова «нож», а это последнее значение или одно из значений слова «орудие». Постепенно между ощущением и образом установилось такое же отношение, как между образом и словом. Следовательно, только потребность передавать другим свои собственные образы, потребность, созданная и поддерживаемая, развиваемая и попутно удостоверяемая прогрессирующей речью, сделала возможным точное определение этих образов, их явственное обособление как таковых, в чем уже кроются некоторые зачатки обобщения; та же потребность вызвала затем дальнейшее обобщение этих образов в идеи, способные самостоятельно появляться как таковые, непременно в форме слов того или другого языка» (Тард 1996: 47–48). Именно это подчеркивали А. Потебня, И. Бодуен де Куртене, Л. Выготский и мн. др. исследователи классического и современного языкознания.

В современном языкознании в отношении структуры знака в основном фигурирует дихотомия формы-содержания; сравните терминологию Ф. де Соссюра, который констатировал следующее разнообразие составляющих знака: «sem», «parasem», «arosem», «soma», «arosoma», «kontrsoma», «antisoma», «parasoma» и др. (de Saussure 2004: 108–119). Именно динамизм отношений этих составляющих знака позволяет реализовывать прагматику знака в коммуникации. В традиционных исследованиях языка основанием знака прежде всего считается форма знака (акустический или визуальный образ): «Trudność polega na tym, by odróżnić parasemiczny twór od wpływu, jaki parasemy wzajemnie na siebie wywierają; wpływu, który może całkowicie zmienić znaczenie *semu*, a my wcale nie będziemy sobie zdawali sprawy z tego, że jest to jakiś inny sem. Gdy z kolei zmienia się „forma”, zgodnie stwierdzamy, że jest to inny *sem*. Czy ta różnica ma uzasadnienie?» (de Saussure 2004: 113).

Отсчет в координации сложных соотношений составляющих структуры знака и речевых процессов традиционно идет от формы: тождественность знака определяется по форме, но не по понятию, а тем более не по отношению (балансу) формы и понятия. В русском языке, например, никогда не ставился вопрос о том, что лексические единицы «чудесный – прекрасный» являются одной лексической единицей (или сравните также «спешить – торопиться»). Однако при этом лексическая единица «поднимать» в значениях, например, «поднимать книгу с земли», «поднимать руку», «поднимать глаза» или «поднимать вопрос» и др.

традиционно считается одной лексической единицей (сравните также «идти» – в значениях «человек идет», «поезд идет», «дождь идет» и др.).

Широко известна структуралистская дефиниция знака: *знак – это связь акустического образа с понятием*. Однако в дефиниции знака как связи (отношения) формы и понятия данное отношение является не любым отношением, а отношением сбалансированным. В исследованиях это определение чаще используется поверхностно, то есть так, как выгодно и удобно при раздельном исследовании конкретных фактов языковой формы или семантики. Слишком часто игнорируется тот факт (хотя теоретически провозглашается обратное), что в отдельности ни акустический образ, ни понятие не являются знаком: «ani dźwięki, ani pojęcia nie są obiektami językowymi» (de Saussure 2004: 232), «fakt językowy polega niezmiennie na równowadze [między faktem akustycznym a pojęciem]» (там же: 231). В исследованиях почти полностью игнорируется следующее замечание Ф. де Соссюра: «Oznaczenie (signifier) – to w tej samej mierze przyoblekanie znaku w pojęcie, co przyoblekanie pojęcia w znak» (de Saussure 2004: 114). При этом следует заметить, что воплощение понятия в знак в динамике языка происходит столь же часто, как и наоборот, воплощение знака в понятие. Несмотря на то, что понятие гораздо быстрее подвергается качественным изменениям, чем форма знака, при идентификации знака решающим фактором все равно остается именно форма.

В научных публикациях последних лет все чаще и явственней проявляется тенденция анализа языковых фактов преимущественно от семантики и прагматики языковых единиц, от интенции коммуникативных актов, а уже во вторую очередь от их формы, что обещает новые обобщения функционально-коммуникативного характера. Наиболее эффективным может оказаться подход в исследовании языкового материала, который предполагает признание языка, так же как и знака, в качестве равноставляющей двух типов взаимодействия:

1 – вертикали индивидуальной психофизиологии человека и горизонтали межсубъектной социальной регуляции и коммуникации (в которую мы включаем также социально-детерминированную предметно-практическую деятельность);

2 – синтагматики вербальных текстов и парадигматики лексических значений и когнитивных понятий.

Отмеченные дихотомии позволяют относительно независимо рассматривать как диахронию знака, панхронию знака (в языке, в онтогенезе), так и актуализацию знака в идиосинхронии, то есть, иначе говоря, относительную независимость диахронической обусловленности в происхождении знака его плана выражения и плана содержания, а, кроме того, обусловленность плана выражения знака через внутреннюю форму языка морфологическими категориями, а плана содержания через понятийную систему ономастическими категориями.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.** (1995), *Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, т. 1, Москва.
- Гаспаров Б.** (1996), *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*, <http://www.bookap.by.ru/okolopsy/gasparov/gl8.shtm>
- Лещак О.** (1996), *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*, Тернопіль.
- Падучева Е. В.** (2004), *Динамические модели в семантике лексики*, Москва.
- Потебня А. А.** (1958), *Из записок по русской грамматике*, т. 1–2, Москва.
- Потебня А. А.** (1990), *Теоретическая поэтика*, Москва.
- де Соссюр Ф.** (1990), *Записки по общей лингвистике*, Москва.
- Тард Г.** (1996), *Социальная логика*, Санкт-Петербург.
- Langacker R. W.** (1995), *Wykłady z gramatyki kognitywnej*, Lublin.
- de Saussure F.** (2004), *Szkice z językoznawstwa ogólnego*, Warszawa.

Michał Łabaszczuk

THE CATEGORY OF SIGN IN MODERN LINGUISTICS

In the article the author analyses difficulties which appear in contemporary researches about the category of sign. According to the author these difficulties often lead to ignoring the definitions of the category sign. To unsolve the problems of understanding the sign one should take into consideration the pragmatic criteria of communication and the role which the sign plays in speech.